

²⁸ Судьбы народов... С. 128, 144, 153.

²⁹ Там же. С. 128.

³⁰ ПМА, 2006.

³¹ Хомич Л.В. Семейная обрядность // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М.: Наука, 2005. С. 464.

³² Тохоле Г. Об именах ненцев // Народы Северо-Западной Сибири. Томск: Изд-во Том.ун-та, 1996. С. 26.

³³ Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 154.

³⁴ Хомич Л.В. Проблемы этногенеза... С. 117.

³⁵ Лёзова С.В. Северный Ямал: Великое переселение 1947 г. // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиум «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., г. Тобольск). Тобольск–Омск: ОмГПУ, 2001. С. 132.

³⁶ Судьбы народов... С. 128.

³⁷ Списки населенных пунктов... С. 210–211; ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Т. 4. Л. 5 об.

В. М. Дамдынчап

Проблема трансформации обычного права тувинцев

Традиционное общество тувинцев подверглось активным модернизационным изменениям со второй половины XX в. после вхождения в состав России. Трансформация пошла по пути насильственного навязывания чуждой модели развития, имевшей негативные последствия для социума: «Все рациональные новшества должны отвечать традициям, а не ломать, искоренять либо «преобразовывать» с крупными социальными издержками»¹. В данной статье рассматривается трансформация обычного права тувинцев в первой половине XX в. Под трансформацией понимается процесс развития, изменения, обновления, а также ломка, деформация институциональных основ традиционного общества.

Термин «*обычное право*» с момента его появления в лексиконе науки XIX в. означал нормы регулирования, принятые в традиционных обществах, которые основывались не на сложившихся отчетливых юридических понятиях права (образцом каковых для науки XIX в. служили нормы римского права), а на обычаях и традициях. Поэтому обычное право регулировало общественные отношения в традиционных обществах и как право не воспринималось теоретиками права и этнографами².

Одним из ведущих специалистов в области обычного права, Г.В. Мальцевым обосновано следующее определение *обычного права* – это фундаментальное явление, проходящее через всю историю человеческой цивилизации, действующее во всех правовых системах с различной степенью охвата общественных отношений³. В традиционном обще-

стве обычно-правовые установления выступают в качестве основных регуляторов общественных отношений. Обычное право вносит в общественную жизнь начала стабильности, упорядоченности.

В советской исторической науке к традициям и обычаям относились как к неким рудиментам, которые под влиянием общественных изменений должны исчезнуть из обыденной практики. Подобный подход господствовал и в исторических работах В.И. Дулова, Л.П. Потапова, Н.И. Сердобова, Ю.Л. Аранчына и др.⁴, раскрывающих сущность традиционного общества тувинцев. Современные исследования, основанные на полевых материалах, убедительно указывают на то, что обычно-правовые нормы сумели приспособиться к реалиям как советского, так и постсоветского общества, составляя существенную часть правосознания тувинцев.

Все социальные институты, в том числе и обычное право, являются историческими феноменами. Следовательно, они несут на себе бремя времени, в рамках которого они были созданы, и их характер зависел от тех целей, которые ставило общество. В процессе развития обычного права можно выделить два этапа. Трансформация обычного права тувинцев до 1930-х гг. проходила по пути эволюционного изменения, обновления в рамках развития традиционного общества. После провозглашения нового курса на социалистическое строительство в 1929 г. трансформация приобретает характер насильственного разрушения традиционных институтов, в том числе обычного права тувинцев.

На первом этапе обычное право тувинцев подверглось постепенной аккультурации со стороны доминантной монгольской системы права. Со второй половины XVIII в. и до 1912 г. Тува находилась в составе Цинской империи. Монгольские и тувинские земли управлялись Палатой внешних сношений – Лифаньюань. После присоединения Халхи, в 1696 г., это ведомство занялось разработкой новых законов для монголов. Подготовленное «Монгольское уложение» было утверждено императором Канси. Этот свод законов, более известный как «Цааджин бичиг»⁵ действовал до 1789 г. Основную часть сборника составляли монгольские нормы обычного права. Затем была проведена новая кодификация, результатом которой стало появление «Уложения Палаты внешних сношений» 1789 г., многие обычно-правовые установления монголов вошли в состав уложения. Но к началу XIX в. этот свод устарел и в 1815 г. был разработан новый сборник⁶, действовавший до падения маньчжурской династии в 1912 г.

В Туве вводилось новое военно-административное управление, основанное на территориальном, а не родовом делении. Страна была разделена на военно-административные округа – *хошуны*, которые состояли из *сумонов* и *арбанов*⁷. Китайские власти разделили тувинские племена на пять хошунов – Тесингольский (Тес-Хемский)⁸, Хемгольский, Тод-

жинурский (Тоджинский), Хасутский, Хемчикский. Во главе тувинских хошунов стоял *амбын-нойон* – удельный князь Оюннарского хошуна, выполнявший военно-административные функции. Он имел гражданский чин князя третьей степени – *бэйли*, и военное звание – *мейрен-дзангин*. В его подчинении находились не только пять перечисленных хошунов, но и другие, принадлежавшие северомонгольским князьям. Хошун возглавлял *угердаа*, власть которого была наследственной. Амбын-нойон Тувы непосредственно подчинялся *цзянь-цзюню* – генерал-губернатору.

Активному изменению подверглись нормы судопроизводства и системы наказаний. По обычному праву суд осуществляли на народном собрании, где решения принимали родовые правители – зайсаны, на основании традиции. Но в период XIX в. система судопроизводства была организована по территориальному принципу. Судебными полномочиями по уложению обладали *цзянцзюнь*, *амбын-нойон*, *угердаа*, *чангы*⁹. Улясутайский генерал-губернатор расследовал преимущественно особо тяжкие преступления, например, убийства, скотокрадство. Чызаан амбын-нойона занимался тяжкими преступлениями, рассматривал жалобы населения на действия своих правителей. Угердаа на территории хошуна занимались следствием. В сумонах судебная власть принадлежала чангы. Они могли налагать различные виды наказания, кроме смертной казни, по которой окончательное решение принимала Палата внешних сношений, на основании приказа императора¹⁰.

Судебное следствие начиналось с иска частных лиц¹¹. Если же происходило убийство, то местные власти обязаны были произвести следствие, найти и осудить виновного, о чем докладывали вышестоящему начальству¹². Но если виновного не находили, то на общину налагали имущественный штраф.

Улясутайский генерал-губернатор при расследовании особо тяжких уголовных дел направлял своих следователей. Приезд судебных чиновников наносил большой ущерб хошунам, т. к. местные власти обеспечивали охрану, жилье, питание следователей и преподносили соответствующие чинам подарки. Так, Вс. Родевич отмечал, что приезд двух китайских следователей по делу убийства тувинца-охотника стоил общине 6000 руб., приезд чиновников в 1908 г. по другому делу обошелся Даа хошуну в 30 000 руб.¹³

Уложение предусматривало и возможность подачи апелляции в случае недовольства решением судьбы. По правилам жалобу можно было подавать вышестоящему начальству и только затем в Палату внешних сношений¹⁴. Данное правило носило в основном формальный характер. Хотя нойоны иногда пользовались этим правом.

В случае угона скота хозяин должен был подать иск чиновникам с точным указанием количества, масти и возраста угнанной скотины. Затем чиновники должны были заняться розыском и поимкой преступни-

ков. Гонение следа осуществляли хозяева скота и их родственники. Но если следы уходили за пределы сумона или хошуна, то обращались к нойонам. Если же количество, масть и возраст скота после поимки вора не совпадет с заявленными, то хозяин лишался права на иск, а те, кто после угона не подал заявление, не могли требовать возвращения найденного скота¹⁵.

Рассмотрение тяжких преступлений и осуществление наказания происходило обычно на ежегодном собрании сумона или хошуна – *чыыш*, не реже одного раза в год. Амбын-нойон созывал съезд девяти хошунов – *тос кожуун чыыжы*, раз в три года. На таком собрании судили скотокрадов и здесь же их наказывали. В обычном праве тувинцев основным видом наказания был имущественный штраф, присуждаемый согласно традиции. Например, за угон скота полагалось возместить имущественный ущерб¹⁶.

Китайские власти преследовали и жестоко наказывали скотокрадов. Система наказания была ужесточена, разнообразные пытки применялись в процессе следствия. В начале XX в. Ф.Я. Кон отмечал, что на судебном следствии подозреваемых подвергали жестоким пыткам, согласно китайским законам¹⁷. В системе наказания существовало 9 видов пыток: *той-бун* – обвиняемому наносили до 50 ударов короткой рейкой по бедрам; *джибчурга* – от 10 до 60 ударов длинной палкой по бедрам; *шаагай* – нанесение ударов по щекам кожаной лопаточкой; *хюлуг* – туго связывали руки человека мокрой волосяной веревкой и держали так часа 2; *сайга олуртур* – сажали на колени на острые камни, клали в коленный изгиб палку и придавливали плечо; *азар* – подвешивали человека за большие пальцы, экзекуция прекращалась в тот момент, когда тело человека растягивалось на 6–7 см; *хоор-аскыр* – зажим рук и ног в узком отверстии между двумя бревнами в течение суток; *чеди доннээр* – прожигание в три сеанса 7 мест на ягодицах и спине; *кызар* – зажим в бревне ног¹⁸. Такими пытками мучили людей, пока они полностью не признавали свою вину. Были случаи, когда подвергшийся жестоким пыткам человек не признавался; тогда осудить его не могли, в народе такой человек считался героем¹⁹. Для системы обычного права характерен дуализм, когда одновременно действовали и традиционные соционормативные регуляторы, и китайское законодательство.

Наиболее устойчивыми были брачно-семейные нормы, просуществовавшие в неизменном виде с конца XIX в. до 1921 г. Это объясняется тем, что семейное право является наиболее устойчивым компонентом обычного права. Семейно-брачные нормы поддерживались ценностными представлениями, как отдельных людей, так и общества в целом, основанных на традиционном мировоззрении. Стабильность семейных отношений являлась залогом развития традиционного общества.

В период установления российского протектората в 1914 г. обычное право тувинцев не подвергалось активной трансформации, что обусловлено следующими причинами: 1) система политического покровительства затрагивала только внешнеполитическую сферу; 2) политика по отношению к населению Тувы, продиктованная внешнеполитическими задачами России в Центральной Азии, была осторожной; 3) единая позиция у представителей российских властей отсутствовала.

Активная трансформация обычного права началась с периода становления национального государства. В значительной мере, создание и развитие Тувинской Народной Республики происходило под влиянием Советской России. Изменение социально-экономических условий предопределило формирование новой правовой системы, основанной на большом влиянии позитивного, т.е. государственного права. При этом законодательными образцами были советские кодексы законов. Политика государства была направлена на постепенное изменение традиционного уклада жизни тувинцев. Исходя из поставленных целей, система обычного права объявлялась комплексом вредных пережитков родового строя, несовместимых со строительством социалистического общества.

Историческое развитие ТНР делят на 2 периода, существенно отличавшихся по своей сути:

1. С 1921 по 1928 г. – в историографии Тувы этот этап определяется как народно-демократический период, как время борьбы за общедемократические преобразования, как антиимпериалистический, антифеодальный этап народной революции²⁰. В данный период наблюдается сохранение традиционного уклада и постепенное изменение политической структуры.

2. С 1929 по 1944 г. – этап перехода к т. н. некапиталистическому пути развития, когда окончательно произошел переход к строительству социализма в советском варианте, проведена кампания по ликвидации феодализма и духовенства, смена руководства страны.

Первые изменения в брачно-семейных отношениях коснулись, прежде всего, положения женщины в обществе. Впервые вопрос о равноправии женщины был поставлен А. Сафьяновой на Всетувинском Учредительном съезде 13 августа 1921 г. В своем приветственном слове она высказала пожелание, чтобы в следующем съезде приняли участие женщины, которые «и сейчас в хозяйственном быту так же самостоятельны, как и мужчины»²¹. Равенство всех граждан Тувы, установленное Конституцией, имело большое общественно-политическое значение в деле раскрепощения женщины. На женщину Тувы полностью распространялись общие для всего народа законоположения, представлявшие ей равные права с мужчиной во всех областях политической, хозяйственной, культурной жизни.

После образования национального государства в 1921 г. начинается постепенно изменение обычно-правовых норм в соответствии с политическими целями развития страны. Период 1921–1923 гг. стал временем, когда обычное право регулировало общественные отношения, пока революционные власти были заняты проблемой сохранения суверенитета ТНР. Административное деление страны оставалось прежним, во главе хошунов, сумонов стояли нойоны. В целом, каких-либо значительных изменений не произошло. Жалобы населения представители власти решали на основании обычного права и Китайского Уложения.

После принятия Уголовного уложения и вступления его в силу 28 сентября 1923 г. система правосудия стала постепенно меняться. Обычно-правовые нормы сохранялись в системе имущественных и семейно-брачных отношений. Система судопроизводства была основана на выборности судей, но из-за отсутствия грамотных среди аратов, должности занимали те же нойоны, руководившие административными территориями.

Законодательные изменения в начале 1930-х гг. соответствовали политическому курсу страны. 31 января 1930 г. вступило в силу новое Положение о судостроительстве ТАР, а 3 апреля начал действовать Уголовный закон, 8 мая Кодекс о браке, семье и опеке, Основные начала землепользования и землеустройства в ТАР²². Соответствующие законы дополнялись положениями и инструкциями. Все проекты были разработаны по советскому образцу, учитывая особенности перехода от кочевого к оседлому образу жизни.

Отношения в кочевом хозяйстве в 1930-е гг. строились на основе обычно-правовых норм. Действие земельной нормы существовало, но араты кочевали на территориях своих родовых кочевий. Ломка традиционных взглядов осуществлялась под активным воздействием партии и правительства. Организованная в 1934 г. комплексная экспедиция под руководством М.Г. Левина охарактеризовала тувинское общество как патриархальное, с сохранением родовых пережитков. Аальная община, состоявшая из семейно-родственных групп, сохраняла свою устойчивость. Несмотря на период массовой коллективизации, община устояла и постепенно утвердилась в качестве основной сельскохозяйственной единицы в условиях кочевого хозяйства. Помощь государства в развитии единоличных хозяйств в данный период была существенной, что помогло им еще более укрепиться.

Традиционные типы хозяйствования тувинцев – скотоводство, оленеводство, охотничий промысел – составляли основу экономических отношений. В целом, это обусловило процесс сохранения традиционных норм в кочевой общине. Структура общины оставалась прежней, представляя собой совокупность семейно-родственных групп. Характерной особенностью имущественных отношений было наличие частной собственности

на скот. Кочевые аальные общины представлены в виде родственных объединений. Количество скота в Туве по данным на 1943 г. составляло 3 млн. голов, более 80 % было выращено в единоличных хозяйствах²³.

Произошли и кардинальные изменения в судебной системе. Трехуровневая система судопроизводства отменялась, в стране создавался Верховный суд, на местах остались лишь хошунные судебные органы. Первичное расследование дел теперь передавалось уполномоченным Управлением государственной внутренней политической охраны, Милиции, заместителю хошунного управления²⁴. В сумонах и арбанах судебные органы расформировывались. При Верховном суде учреждались должности следователей, которые проверяли дела и при достаточном расследовании направляли дело в суд со своим обвинительным заключением.

Верховный Суд республики рассматривал наиболее тяжкие преступления против государства и власти, личности, собственности. Именно в такой последовательности перечислены категории преступлений, что свойственно периоду усиления государственной власти.

Первая половина 1930-х гг. стала важной вехой в развитии страны: процесс трансформации активно набирал обороты. Несмотря на заметные улучшения, такой форсированный рывок привел и к кризисным явлениям в обществе. Провозглашенная ТНРП борьба с феодальными элементами, контрреволюционерами коснулась и среднего аратства, и батраков. Перегибы в политике были осуждены, но существенных изменений в политике власти не произошло.

Таким образом, в 1930-е гг. ТНР переходит на следующий этап своего развития, связанный с усилением роли государства, полностью подчиненного партии. Политические процессы становления тоталитарной сталинской модели социализма, в полной мере стали осуществляться и в Туве. Введены законы по советскому образцу, во многом не отражавшие реального положения в обществе. Нормы обычного права объявлялись вредными пережитками, и некоторые стали преступлениями. Политика партии и государства была направлена на форсированный переход к социалистическому обществу, не принимая в расчет отсутствие объективных факторов такого перехода.

Окончательное оформление политической системы советской модели завершилось в 1941 г. принятием последней Конституции ТНР. Система управления стала более централизованной и упорядоченной. Роль общественных организаций, профессиональных, партийных, ревсомольских увеличивалась. В целом, Конституция завершила процесс формирования государственной власти. Партия заняла центральное место в политической системе ТНР.

Принятие репрессивных карательных мер для изживания обычного права, привело лишь к тому, что араты тайно соблюдали обычно-

правовые нормы. Сохранение традиционного хозяйства, привычного уклада жизни, ментальные особенности способствовали консервации обычаев и традиций. Насильственная политика коллективизации, политических репрессий отталкивала аратов от власти, которая уже потеряла свой народный характер. Эволюция взаимоотношений государства и народа привела к усилению роли государства и полному подчинению общества. Но сохранение традиции и обычаев, составлявших существенную часть жизнедеятельности кочевников, было своеобразным протестом против насаждения искусственных форм хозяйствования, политизации общественной жизни.

¹ Топорнин Б.Н. Система источников права: тенденции развития // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 35.

² Malinovsri B. Crime and custom in savage society. London, 1926. Merry S. E. Legal Pluralism // Law and Society Review. Vol. 22. N 5. 1988. Moore S. F. Social Facts and Fabrications: Customary Law on Kilimanjaro, 1880–1980. Грабовский Н.Ф. Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // Сб. сведений о кавказских горцах. Вып. 9. Тифлис, 1876. Кистяковский А.Ф. Собрание и разработки материалов обычного права. Киев, 1876. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 1–2. М., 1890. Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним // Сб. сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис, 1868.

³ Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов-н/Д, 1999. С. 52.

⁴ Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы. XIX – начало XX в. М., 1956. Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969. Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971. Аранчын Ю.Л. Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск, 1982.

⁵ Цааджин бичиг («Монгольское уложение»): Цинское законодательство для монголов, 1627–1694 гг. М., 1998.

⁶ Действовало оно до 1912 г. до победы Синьхайской революции в Китае.

⁷ Хошун – (монг. досл. знамя) основная тактическая военная единица, делившаяся на *сумоны* (эскадроны), состоявшие из 150 всадников – мужчин в возрасте от 18 до 60 лет. Входившие в *сумоны* дворы-юрты были объединены в десятки дворов – *арбаны*, во главе которых стояли – десятские.

⁸ Позднее этот хошун будет переименован в Оюннарский.

⁹ Территория Тувы была разделена на хошуны, сумоны. Во главе Тувы был назначен амбын-нойон – верховный правитель; во главе хошунов назначали угердаа; сумонами руководили чангы. Амбын-нойон подчинялся представителю китайских властей в Улясутае – цзянцзюню – генерал-губернатору.

¹⁰ Китайское уложение Палаты внешних сношений. Ч. 3. СПб., 1828. С. 118.

¹¹ Там же. С. 114.

¹² Там же. С. 122.

¹³ Родевич В.М. Очерки Урянхайского края. Спб., 1910. С. 21.

¹⁴ Уложение. С. 115.

¹⁵ Там же. С. 106.

¹⁶ РФ ТИГИ. Д. 177. Л. 5.

¹⁷ Кон Ф.Я. За пятьдесят лет. Экспедиция в Сойотию. М., 1936. Кн. 3. С. 52.

¹⁸ РФ ТИГИ. Д. 153. Л. 10.

¹⁹ Кон Ф.Я. За пятьдесят лет. С. 32.

²⁰ История Тувы. Т. II. С. 93–135; Очерки истории Тувинской организации КПСС. С. 40–78; Аранчин Ю.Л. Исторический путь... С. 95–173.

²¹ Дубровский В.А. Конституция Республики Танну-Тува Улус (народа Урянхая), № 2 // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. V. Кызыл, 1957. С. 295.

²² ЦГАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.

²³ РФ ТИГИ. Д. 762. Л. 11.

²⁴ ЦГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 53. Л. 2.

В. М. Рынков

Эвакуационные мероприятия антибольшевистских сил на востоке России

Большинство современных войн вынуждало к проведению воюющими сторонами эвакуации – населения, предприятий и учреждений. С этой проблемой Россия столкнулась ещё в годы Первой мировой войны. Тогда же были разработаны правила эвакуации с территорий, которым угрожало занятие противником, порядок оказания эвакуированным и беженцам материальной помощи. В данном исследовании речь пойдет о более позднем периоде: времени гражданской войны, когда вопрос об эвакуации продолжал оставаться актуальным. В Сибири с лета 1918 г. власть перешла к ряду антибольшевистских правительств, среди которых наибольшее влияние имели Комуч в Поволжье и Временное сибирское правительство (ВСП). Осенью 1918 г. попытка объединения разнородных антибольшевистских сил привела к кратковременному появлению Директории – временного Всероссийского правительства, которое было 18 ноября свергнуто. В результате к власти пришло Российское правительство адмирала А.В. Колчака, до начала 1920 г. распространявшее свою деятельность на весь восток России.

Летом 1917 г. в стране насчитывалось по одним данным 6 млн беженцев, по другим – 3,8 млн¹. В Азиатской России располагалось 114 637 чел., или 3 % от всей численности беженцев. Больше всего их было в Акмолинской (31 963 чел.) и в Томской (30 005 чел.) губерниях². Итак, Сибирь столкнулась с эвакуированным гражданским населением задолго до начала гражданской войны. Предприятия же и учреждения в этот период эвакуировались, как правило, в европейскую часть России.

На востоке России ещё до революции на работу по эвакуации гражданского населения было ориентировано Переселенческое управление Министерства земледелия и колонизации, оказывавшее продовольственную и медицинскую помощь беженцам наряду с крестьянами-переселенцами. Основные функции по «социальному призрению» беженцев в царской России выполняло МВД. Пособия и пайки выдавались через беженские общественные организации и изредка – напрямую через государственные структуры. Советская власть с 1918 г. вовсе прекратила выделение беженцам средств. Но немногочисленные служащие казенных учреждений, организовано эвакуированные в Сибирь, приписывались для продолжения исполнения обязанностей в одно из тыловых учреждений своего ведомства и сохраняли право на получение должностных окладов по месту приписки независимо от смены режимов. Это была не столько бюрократическая процедура, сколько вопрос корпоративной солидарности.

После февральских, и особенно октябрьских событий 1917 г. поток мигрантов возрос, изменился и характер миграции. В Сибирь направились тысячи жителей тыловых районов европейской части России, спасаясь от голода и от политического давления нового режима. Это была совершенно иная категория беженцев, чье бегство никак не было связано с оккупацией. Ни Совет народных комиссаров, ни ВСП не воспринимали их как беженцев, достойных государственной помощи. Более того, оба этих политических режима предполагали свернуть переселенческую работу, справедливо отмечая, что в 1917–1918 г. значительная часть людей, зарегистрировавших себя в качестве переселенцев, в действительности являлась внутренними мигрантами, использовавшими переселенческие льготы для более комфортного движения на восток. Многие из таких путешественников были самыми обыкновенными мешочниками. Поэтому распоряжением Министерства земледелия и колонизации в конце августа 1918 г. была приостановлена перевозка переселенцев и беженцев на восток, прекращена выдача им удостоверений на льготный проезд по железным дорогам³. Хотя заботу о давно прибывших в Сибирь беженцах ВСП продолжало считать своей обязанностью и кредитовало их содержание по мере возможности⁴.

Развернувшаяся с осени 1918 г. гражданская война в очередной раз в корне изменила положение. Масштаб вынужденных миграций мирных жителей в период гражданской войны ещё более возрос. Европейская часть России для «белых» была территорией, временно отданной противнику, и миграция на восток вновь стала восприниматься как бегство или даже организованная эвакуация. Первая массовая волна беженцев направилась на восток России при отступлении Народной армии Комуча из Поволжья осенью 1918 г. Если население спасалось бегством хаотично, и помощь со стороны государства была минимальной, то служащие по постановлению Комуча от 14 сентября 1918 г. получили ме-